

После этого трое парней еще долго болтали о том о сём, но школьного врача так и не было видно.

Видя, что до конца перерыва осталось всего пять минут, Лян Хаожань попросту спровадил Пэн Юя и Пан Бо обратно в класс.

Он собирался посидеть здесь еще немного.

Хотя от шуток и болтовни с этой парочкой тошнота в желуде значительно утихла, раз уж он все равно сюда пришел, то решил воспользоваться случаем и немного прогулять уроки.

Первым уроком после обеда как раз была математика — его самый нелюбимый и нагоняющий жуткую сонливость предмет, так что лучше было избежать хотя бы одного урока.

Если сказать учителю, что из-за боли в животе он отдыхал в медпункте, тот наверняка ничего не станет возражать.

— Надо же, заявить, что способность упорно трудиться — это тоже талант... Сказано красиво, ничего не скажешь.

Не успели Пэн Юй и Пан Бо переступить порог медпункта, как из угла внезапно донесся холодный, отрешенный голос.

Лян Хаожань узнал владельца этого голоса практически мгновенно.

Всё потому, что каждый раз, когда на уроке словесности учитель вызывал его к доске читать текст вслух, Лян Хаожань думал о том, насколько у него чистый, приятный и хорошо поставленный голос.

Но в данный момент это был определенно самый некстати появившийся голос.

Ибо хозяином его оказался не кто иной, как Лу Юньцзэ.

Черт.

Вот это влип.

Лян Хаожань, услышав звук, оцепенел и с трудом повернул голову. Только теперь он заметил, что у дальней стены медпункта, в самом углу ряда больничных коек, одна из них отгорожена белой медицинской ширмой.

Из-за слишком уединенного расположения, когда они входили, на нее никто и не обратил внимания.

А уж кто лежал за этой ширмой, теперь и гадать не приходилось — и так было ясно.

Как говорится, у стен есть уши... твою мать, уж лучше бы это слышали тараканы в щели, всяко в десять тысяч раз лучше, чем когда тебя за этим занятием застает сам человек.

Лян Хаожань встал и, набравшись храбрости, направился к той самой отгороженной ширмой койке.

Хотя здравый смысл подсказывал, что сейчас необходимо что-то сказать, честно говоря, при всей его обычной подвешенности языка, в этот момент в голове у него образовалась абсолютная пустота.

Хотя умение болтать о чем угодно в любой ситуации и было его сильной стороной, порой язык действительно доводит до беды.

— ...Ты всё слышал?

Стоило словам сорваться с языка, как Лян Хаожань тут же захотел отвести себе пощечину — что за глупый вопрос?

Разве только что прозвучавшая реплика собеседника не свидетельствовала о том, что он слышал абсолютно всё.

— Не то чтобы слышал, оно само в уши залезло.

Голос из-за ширмы был холоден, как будто покрыт ледяной коркой.

Лян Хаожань тут же сдал назад:

— Прости.

Без лишних разговоров — в таких ситуациях молниеносное падение на колени и извинения всегда были самым верным решением.

Он изначально и не надеялся, что Лу Юньцзэ проявит широту души и ответит в духе «ничего страшного», но то, что последовало за этим, оказалось еще холоднее и пронзительнее, чем он ожидал.

— Не нужно извиняться. В конце концов, подобные слова я с самого детства слышу так часто, что у меня уже мозоли на ушах.

— ...

Лян Хаожань снова потерял дар речи, застыв перед кроватью, словно деревянный столб.

Голос Лу Юньцзэ продолжил доноситься из-за ширмы, сквозя обреченной насмешкой:

— К тому же, вы абсолютно во всём правы. Что в начальной школе, что в средней — я и впрямь ни разу не занимал первого места... И в будущем, пожалуй... нет, совершенно точно не займу.

— ...

У Лян Хаожаня в груди стало тяжело.

И не только из-за холода в голосе Лу Юньцзэ, а еще и потому, что эта едкая ирония была направлена вовсе не на него самого, и даже не на треплющих языками Пэн Юя и Пан Бо, а на самого Лу Юньцзэ.

Когда Пэн Юй и Пан Бо обсуждали Лу Юньцзэ, в их словах хоть и сквозило некоторое сочувствие, злого умысла не было — просто длинные языки. Но для самого Лу Юньцзэ...

В его словах сквозила глубокая самоненависть и ядовитая злость.

Это была острая, безжалостная насмешка над собственным обнаженным «я».

Похоже, Пэн Юй, Пан Бо... да и он сам, Лян Хаожань, сегодня угодили прямо в минное поле Лу Юньцзэ.

— Я отодвину ширму.

Не дожидаясь согласия Лу Юньцзэ, Лян Хаожань ухватился за разделительную занавеску и с громким шорохом резко отдернул ее в сторону.

— ...!

Лежавший там Лу Юньцзэ явно не ожидал от него такого маневра и от испуга резко приподнял верхнюю часть туловища.

Лян Хаожань отчетливо увидел, как на этом вечно застывшем, похожем на маску лице впервые в жизни мелькнуло выражение растерянности.

Неизвестно, от какой именно болезни он очутился в медпункте, но его и без того бледное лицо сейчас казалось белым как бумага, совершенно лишенным красок, и даже обычно тронутые едва заметной розовизной губы отливали болезненной селедочной белизной.

Лян Хаожань молча присел на край больничной койки.

Заметив это, Лу Юньцзэ судорожно ухватил тонкое одеяло, прикрываясь им до груди, и, подобно испуганному кролику, быстро забился в дальний угол кровати. Его защитная поза выглядела так, будто Лян Хаожань собрался совершить против него что-то непотребное.

Эта комичная картина вызвала у Лян Хаожаня неуместное желание усмехнуться, но он подавил уголки ртов и прочистил горло, чтобы скрыть это.

Уставившись прямо в глаза Лу Юньцзэ, он серьезно заговорил:

— Поскольку мне было неловко сказать это в лицо, я хотел посмотреть тебе в глаза и принести искренние извинения. Прости меня.

Раз уж он понял, что его брошенные невзначай слова глубоко ранили человека, то должен был по-честному извиниться.

— ...

Лишенные красок губы Лу Юньцзэ чуть шевельнулись, словно он хотел что-то возразить, но звука так и не издал.

Выждав пару секунд, Лян Хаожань продолжил:

— И тем не менее, слова о том, что способность упорно трудиться — это тоже талант... это была чистая правда.

Эту фразу он должен был разъяснить до конца.

Хотя стоило Лу Юньцзэ услышать это, как его и без того помрачневшее лицо стало еще более угрожающим.

— ...

Брови Лу Юньцзэ сошлись на переносице, он до боли закусил нижнюю губу — казалось, еще чуть-чуть, и он прокусит ее до крови.

Лишь спустя долгое время он разжал зубы, и его бледные губы чуть приоткрылись:

— По сравнению с теми двумя...

Начав фразу, Лу Юньцзэ внезапно осекся и быстрой рукой зажал себе рот.

Тыльная сторона ладони от напряжения побелела в суставах, вот так заслоняя его от Лян Хаожаня.

Какого чёрта?

Не успел Лян Хаожань сообразить, что означает эта внезапная защитная стойка, как из-за заслонившей рот ладони донесся сдавленный голос Лу Юньцзэ, полный нескрываемого отвращения:

— ...По сравнению с теми двумя бессердечными чурбанами, такие, как ты, вызывают у меня еще большую тошноту.

Темные глаза, прятавшиеся чуть выше белой тыльной стороны ладони, яростно и без утайки сверлили его взглядом.

— Черт, а ведь этот тип даже в гневе чертовски хорош собой...

Поскольку в голове некстати промелькнула эта пошлая мысль, свойственная лишь тем, кто оценивает людей по внешности, Лян Хаожань упустил лучший момент для оправданий.

Гневная тирада Лу Юньцзэ последовала незамедлительно:

— По сравнению с их открытым сочувствием, твоя высокомерная, показная фальшь вызывает куда большее отвращение.

Вот это Лян Хаожань уже не мог пропустить мимо ушей.

Потому что он вовсе не изображал из себя благородного — это была самая что ни на есть чистая правда.

На фоне того, как Лу Юньцзэ только что принижал самого себя, его нынешний вид — ошестившегося и пышущего гневом — казался даже более привычным, но вешать на себя эту

чужую вину он не собирался.

— Я так думал от всего сердца, клянусь, я не выпендривался.

<http://bllate.org/book/19354/1892257>